

ОБЪЯВЛЕНИЕ ПРОДРАЗВЁРСТКИ В СИБИРИ ЛЕТОМ 1920 Г.

Новосибирское высшее военное командное училище
РФ, 630117, г. Новосибирск, ул. Иванова, 49
Сибирский университет потребительской кооперации
РФ, 630087, г. Новосибирск, пр-т Маркса, 26.

Кокоулин Владислав Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Академии военных наук, эксперт РАН, e-mail: kwladislaw@yandex.ru ([подробнее](#)).

Статья посвящена анализу установления размера продразвёрстки в Сибири, дискуссиям среди партийно-государственных руководителей Сибири о возможности сбора продразвёрстки в установленном размере, подготовительным мерам по сбору продразвёрстки в установленном масштабе. Автор статьи показывает, что размер продразвёрстки был установлен не путём суммирования возможностей сибирских губерний по сдаче хлеба, а исходя из теоретических расчётов Сибпродкома. Размер продразвёрстки в 110 млн пудов первоначально рассматривался как максимально возможный, но впоследствии стал директивным заданием сибирским продовольственным органам. В статье показано стремление партийных органов установить контроль над продовольственной работой в Сибири и выявляются причины того, что продовольственные органы стали чрезвычайными органами власти, противоречащими нормальной Советской системе. Подвергается критике позиция историков, которые считали, что основную ставку Сибпродком делал на военные отряды, которые посылались для сбора продразвёрстки. Автор приходит к выводу, что подготовительная работа к сбору продразвёрстки была завершена в течение августа 1920 г. и к сбору установленного размера продразвёрстки Сибпродком приступил с начала сентября 1920 г.

Ключевые слова: Сибирь, крестьянство, «военный коммунизм», продразвёрстка, Наркомпрод, Сибревком, Сибпродком.

Vladislav Kokoulin

Announcement of requisition of food in Siberia in the Summer of 1920

Novosibirsk higher military command school
Russian Federation, 630117, Novosibirsk, Ivanova street, 49
Siberian University of consumer cooperation
Russia, 630087, Novosibirsk, Marx avenue, 26

The article is devoted to establishing the amount of the requisition of food in Siberia, discussions among the party and state leaders of Siberia on the possibility of the requisition

tion of food in the prescribed amount, the preparatory measures for the requisition of food in the prescribed amount. The author shows that the amount of the requisition of food was not installed by summing the capacities of the Siberian provinces to deliver grain, but on the basis of theoretical calculations of Sibprodkom. The amount of the requisition of food in 110 million poods was initially considered as the maximum possible, but later became a directive task for the Siberian food authorities. The article shows the desire of party leaders to establish control over food work in Siberia and identifies the reasons why food authorities have become emergency authorities that contradict the normal Soviet system. The position of historians who believed that Sibprodkom made the main bet on military detachments that were sent to requisition of food is criticized. The author comes to the conclusion that the preparatory work to requisition of food was completed in August 1920, and Sibprodkom started to collect the amount of the requisition of food at the beginning of September 1920

Keywords: Siberia, peasantry, “military communism”, requisition of food, Narkomprod, Sibrevkom, Sibprodkom.

Объявление и сбор продразвёрстки в Сибири в 1920 г. были и остаются самыми дискуссионными проблемами истории Сибири в период «военного коммунизма». Советская историография, опираясь на «классовый подход» к изучению данного явления, трактовала продразвёрстку как вынужденную со стороны центральной власти в условиях резкого дефицита продовольствия и недостатка промышленных товаров, что снижало возможности проводить товарообмен и заставляло изымать продовольствие насильственными методами.

Но зачастую анализ, пусть и не критический, продовольственной политики Советской власти заменялся изучением идеологических штампов советской пропаганды. Так, новосибирский историк В.И. Шишкин сводил все трудности введения и сбора продразвёрстки к борьбе кулаков против проведения «социалистических мероприятий» в сибирской деревне. Например, он пишет о том, что «жители отдельных деревень и даже целых волостей под влиянием кулачества и других контрреволюционных элементов не шли навстречу призывам Советской власти»¹. «Другие контрреволюционные элементы» – явный идеологический штамп, поскольку автор не разъясняет, что это за элементы. Следом, приведя три примера, он утверждает, что всё-таки «случаев открытого негативного отношения к введению развёрстки в сибирской деревне было немного». А «скрытое» негативное отношение к введению развёрстки автор объясняет, нагромождая очередные идеологические штампы и конструкции: «Последнее не означало, что кулачество и его приспешники [очередной штамп!] сложили оружие и успех продовольственных заготовок автоматически обеспечен. Контрреволюционных элементы повели свою разлагающую работу очень тонко, спекулируя на реальных проблемах и трудностях». Трудностей он называет две – неэквивалентный обмен и обмолот хлеба. Факты, разумеется, свидетельствовали о том, что это было общим настроением сибирского крестьянства. Но автора это не останавливает. Он объясняет это «контрреволюционной агитацией» в одном случае и «кулацкой агитацией» – в

¹ Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985. С. 154.

другом. А следом заявляет: «Нельзя сказать, что контрреволюционная агитация не имела успеха»². Все эти идеологические нагромождения должны были убедить читателя, что сибирское крестьянство в основной массе поддержало введение продразвёрстки, но под влиянием «кулачества» и их «приспешников» в лице «других контрреволюционных элементов» выступило против неё. Совершенно очевидно, что это не соответствует реальной ситуации в сибирской деревне. Не удивительно, что пытаясь объяснить постановление Наркомпрода об изъятии хлебных излишков в Сибири, утверждённое Совнаркомом 20 июля 1920 г., автор вновь апеллирует к идеологическим штампам, а не анализирует реальные исторические факты.

Характерно, что и в постсоветской историографии не появилось работ, с научных позиций описывающих введение и ход продразвёрстки в Сибири. Вместо этого отдельные историки стали переписывать догмы советской историографии, меняя только знаки и оценки на противоположные. Так, два новосибирских историка в работе, посвящённой сельскому хозяйству Сибири в 1914–1924 гг., пытаются обосновать антикрестьянский характер продовольственной политики Советской власти. Вот что они пишут: «22 июля 1920 г. СНК своим декретом поставил перед советскими органами Сибири беспрецедентную задачу – изъять у местного населения все излишки, собрав в рамках продразвёрстки 1920/21 г. 110 млн пудов хлеба. Взять его у крестьян предстояло практически безвозмездно, поскольку стоимость имевшегося в распоряжении местных продорганов товарного фонда покрывала лишь 3,5 % назначенного к изъятию хлеба»³. Удивительно, что при этом они ссылаются не на декрет Совнаркома, а на упомянутую выше книгу В.И. Шишкина. Между тем любой заинтересованный читатель легко может познакомиться с данным декретом, опубликованном, например, в таком общедоступном для сибирских историков сборнике документов как «Сибирский революционный комитет (Сибревком)»⁴ и убедиться в том, что ничего подобного тому, что утверждают два новосибирских историка, там не написано. Налицо постмодернистский дискурс!

Таким образом, изучение реальной исторической ситуации и выяснение причин введения и хода сбора продразвёрстки по-прежнему остаётся актуальной задачей истории Сибири в период «военного коммунизма».

Первая проблема, которая нуждается в детальном освещении, откуда взялась цифра в 110 млн пудов, которые предстояло собрать по развёрстке? Обратимся к документам.

25 июня 1920 г. председатель Сибпродкома П.К. Коганович направил докладную записку в Сибревком о том, что общее количество излишков хлеба в Сибири составляет более 140 млн пудов (около 77 млн пудов урожая 1919 г. по данным колчаковского министерства продовольствия и около 72 млн пудов – излишков

² Там же. С. 155.

³ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 109.

⁴ Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925 г.: Сборник документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 288–291.

урожая 1920 г.). Он также сообщил, что из этого количества весной 1920 г. уже было развёрстано почти 55 млн пудов⁵.

Позднее, в отчётном докладе на II Сибирском продовольственном совещании в январе 1921 г., председатель Сибпродкома разъяснял появление этих цифр: «Сибпродком вначале оказался как бы в тупике: никаких твёрдых цифр, никаких достоверных статистических данных, на которых можно было бы базироваться, в его распоряжении не было. Оставалось только принять дефицит, созданный неурожаем последнего года и взыскать какие-то иные основания для исчисления излишков. Принято было во внимание, что хлеб в Сибири в минувшие годы почти не вывозился, и обратились к излишкам 1914, 15, 16, 17 и 18 годов. 1914 г. был необычайно урожайный, но урожай этот в значительной степени был поглощён в 1915 и 1916 неурожайных годах. Поэтому при исчислении остатков остановились, главным образом, на 1917 и 1918 гг. В результате была установлена цифра хлебной развёрстки на Сибирь для 1920 г. в 110 млн пудов»⁶.

В этом докладе председатель Сибпродкома признавал, что цифра в 110 млн пудов вызвала в своё время много возражений, что она, конечно, не мала, и не является безусловно точной, но она должна была трактоваться как максимально возможная для Сибири. Далее он отмечал: «Объявляя эту развёрстку, Сибпродком, конечно, имел в виду, что на те же остатки тех же лет была уже произведена развёрстка в 55 млн пудов в счёт которой было выполнено 30 млн. Объявление новой развёрстки должно было отрицательно подействовать на психологию крестьян, которые могли указывать на то, что необходимые государству излишки были уже взяты по первой развёрстке, вдвое меньшей, чем вторая. Нужно было убедить крестьянина в необходимости сдать все излишки без изъятия, сдать в обмолоченном виде. С этой целью был издан специальный декрет, в котором вместе с установлением необходимости сдачи всех хлебных остатков без исключения были указаны и соответствующие меры понуждения к исполнению этой государственной обязанности. Установив максимальный, но необходимый размер развёрстки, Сибпродком должен был позаботиться и о мерах наиболее успешного ей выполнения. Многие партийные работники указывали, что сибирское крестьянство не похоже на российское, что у него есть свои особенности, из которых главной является отсутствие у крестьян привычки к выполнению хозяйственных повинностей. Поэтому партийные деятели этого направления предлагали выполнять развёрстку не путём принуждения, а при помощи широкого товарообмена. На это Сибпродком мог только указать, что рассчитывать на сколько-нибудь значительный товарный фонд нельзя, что дать крестьянам заведомо неисполнимые обещания – значит лишь нанести огромный вред делу заготовки, и что если в Сибири имеются выдвигаемые на вид особенности, то к ним нужно подходить не с товарным фондом, а с иными мерами государственного воздействия – с широкой агитацией и принуждением. После этого вопрос о товарообмене в партийных кругах стухнул, а последующие обстоятельства наглядно доказали, что Сибпродком

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-4, оп. 1, д. 286, л. 44–47.

⁶ Там же. Д. 184, л. 3.

был прав, так как никакого товарного фонда не только не было дано, но даже не было и обещано»⁷.

Ошибочность расчётной цифры Сибпродкома признавали и современники событий. Так, советский работник В. Самсонов отмечал, что статистико-экономический отдел Сибпродкома при вычислении количества излишков хлеба в Сибири с учётом остатка от урожаев 1917–1919 г. получил цифру в 111 555 тыс. пудов. Не называя конкретной ошибки, он утверждал, что в результате расчётов должна была получиться цифра в 92 463 пуда. Он также показал, что при исчислении средней нормы потребления получается ошибка, на которую обращал внимание тогдашний начальник ЦСУ Попов: «Средняя норма стремится подстричь районы под одну гребёнку, а переброска на бумаге излишков из одних районов в другие, где испытывается недостаток, самым совершенным образом нивелирует особенности разных районов. Благодаря такому приёму, население районов, богатых хлебом, потребляет столько же или почти столько же, сколько районы, бедные хлебом, и в результате излишки исчезают, и мы становимся бедны, как многострадальный Иов. Такие приёмы исчисления недопустимы»⁸.

О том, что развёрстка преувеличена говорили на II Сибирском продовольственном совещании также и губпродкомиссары. Так, Омский губпродкомиссар Б.И. Монастырский разъяснял: «Омский губпродком, получив развёрстку в 35 млн пудов хлеба и зернофуража, очутился в весьма затруднительном положении, когда принялся это количество развёрстывать между 11 уездами губернии. По данным Губстатбюро урожай 1920 г. не даёт совершенно излишков, а, наоборот, вследствие недорода хлебов получаются большие недостатки, которые выражаются в отношении хлеба в цифре 27 млн пудов и в отношении овса в цифре 24 млн пудов. Поэтому данными Губстатбюро при проведении развёрстки нельзя было руководствоваться, надо было принять во внимание данные урожая прошлых лет и цифры вывоза хлебов и зернофуража из Омской губернии за предыдущие годы. По этим данным максимальное количество хлебов, которое можно извлечь от населения, составляет 25 млн пудов. Об этом было сообщено Сибпродкому, тем не менее последним развёрстка была дана в размере 35 млн пудов, каковое количество и было развёрстано между волисполкомами и отдельными селениями»⁹.

Председатель Алтайского губпродкома Д.Е. Гольдин сообщил в Сибпродком, что продовольственная работа в Алтайской губернии имеет три основных отличительных признака: 1) преувеличение развёрстки, данной на губернию; развёрстка эта не соответствует ресурсам губернии; 2) особая экономическая и хозяйственная отсталость губернии; 3) чрезвычайно развитое партизанство на основе объективных исторических условий борьбы с Колчаком, и поэтому слабость советского аппарата, так как главы советских учреждений на местах – партизаны¹⁰.

Далее он настаивал: «Развёрстка в 31 млн пудов не соответствует ресурсам Алтайской губернии. У губпродкома нет данных для производства учёта у отдельных

⁷ Там же. Л. 3, 4.

⁸ Цит. по: Самсонов В. Три года продроботы в Сибири // Жизнь Сибири (Новониколаевск). 1922. № 3. С. 29.

⁹ ГАНУ. Ф. Р-4, оп. 1, д. 184, л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 9, 10.

домохозяев. Нет почти статистических данных о посевной площади, об урожае, о скоте и т.д. Основание того, что развёрстка преувеличена, следующее: из справок у кооперативных и других организаций, заготавливающих хлеб, из опросов заведующих пунктов, служащих в бывших торговых аппаратах, торговцев хлеба, скупщиков и других лиц, выяснилось, что в лучшие урожайные годы из Алтайской губернии вывозилось 26–27 млн пудов хлеба. Основывать развёрстку на урожае 1920 г. нельзя. Урожай 1920 г. дал от 5 до 11 пудов хлеба с десятины и лишь в редких случаях дал до 20 пудов с десятины. При проведении развёрстки надо было оперировать урожаями 1918 и 1919 гг. Но в 1918 г. из Алтайской губернии было вывезено 80 % хлеба урожая этого года; в 1919 г. вывезено около 5 – 6,5 млн пудов заготовок этого года. Таким образом, из остатков от урожая 1918 и 1919 гг. можно было наложить развёрстку в размере от 21 до 22 млн пудов, максимум 25 млн пудов, но никоим образом не 31 млн пудов»¹¹.

Как видим, цифра в 110 млн пудов хлебных излишков была взята не путём суммирования данных об излишках по сибирским губерниям, а установлена в результате расчётов сотрудников Сибпродкома в качестве максимально возможной, хотя сомнения в её достоверности выражали уже современники событий и называли несколько меньшую цифру.

Следующая проблема состоит в понимании того, как и почему эта цифра стала заданием для Сибпродкома?

Так, если обратиться к постановлению Совнаркома 20 июля 1920 г., то в нём всего лишь требовалось обязать крестьянство Сибири приступить к обмолоту и сдаче всех свободных излишков хлеба урожаев прошлых лет с доставкой их на станции железных дорог и пароходные пристани; население могло привлекаться к обмолоту хлеба в порядке трудовой повинности; ответственными за обмолот и сдачу развёрстки объявлялись все местные органы власти от сельревкомов до Сибревкома; виновным в уклонении от обмолота и сдачи излишков угрожала конфискация имущества и заключение в концентрационные лагеря как изменников делу рабоче-крестьянской революции¹².

Никакой конкретной цифры сбора излишков в ней не приводилось, в преамбуле сообщалось лишь, что «Сибири насчитывается до сотни миллионов пудов хлеба, собранного в прежнее годы и лежащего в кладях и скирдах в необмолоченном виде»¹³.

26 июля коллегия Сибпродкома, на которой присутствовали председатель Сибревкома И.Н. Смирнов, председатель РКИ Пайкес, предсибпродком П.К. Коганович, члены коллегии Сибпродкома Гродзенский, Дронин, Троцкий, Гутзац, Михонин и Омский губпродкомиссар Монастырский, был заслушан доклад П.К. Когановича о поездке в Москву и о принятых решениях об усилении заготовки и вывоза хлеба в Россию. Он сообщил, что в связи с массовым неурожаем в России, продработка будет перенесена на Кавказ и Сибирь. При этом на Сибирь назначен наряд в 120 млн пудов хлеба, которые Сибпродком должен будет заготовить из урожая как 1920 г., так и прежних годов. Возможно, что 120 млн пудов –

¹¹ Там же.

¹² Декреты Советской власти. М., 1978. Т. 9. С. 240–243.

¹³ Там же. С. 240, 241.

это или оговорка докладчика или ошибка в протоколе заседания коллегии. Но в любом случае получается, что было либо устное распоряжение П.К. Когановичу собрать 110 (или 120 млн пудов), либо эта цифра была приведена самим председателем Сибпродкома на основе его расчётов и предположений.

Как бы то ни было, на заседании коллегии было постановлено «товарообмен, как способ изъятия хлеба от производителя за неимением достаточного количества предметов промышленного производства, изъять и отчуждать хлеб по развёрстке Сибпродкома путём письменной и устной агитации и мер принуждения», в случае «намеренной несправки хлеба по причитающейся на хлебладельцев норме, последнего арестовывать с конфискацией хлеба и части имущества, препровождая арестованного в ЧК»; просить СибЧК отдать приказ о запрещении выпуска таких арестованных до разрешения продорганов; «в случае восстания крестьяне района восстания после подавления такого привлекаются к принудительному обмолоту хлеба собственными силами»; части ВОХР используются только для продработы и снимаются с неё только в случае восстания в районе их работы, не допуская перебрасывать силы из одного района в другой. Предлагалось также внести в Сибревком проект постановления об учёте всех продработников Сибири и о милитаризации всех продработников, а статистико-экономическому отделу – сделать выборку об урожае с 1914 по 1918 г., валового сбора 1919 г. и предполагающегося урожая 1920 г.¹⁴

Как видим, участники заседания не берут цифру 110 (или 120) млн пудов за основу, а пока ещё предлагают статистико-экономическому отделу посчитать размер возможных излишков. Отметим также, что участникам заседания наверняка была известна докладная записка П.К. Когановича от 25 июня 1920 г. о 140 млн пудов излишков и уже развёрстных 55 млн. Поскольку Сибпродкому также было известно о собранных из этой развёрстки 30 млн пудов, то в итоге получилась цифра в 110 млн пудов, которая и была развёрстана Сибпродкомом по губерниям. Таким образом, достаточно приблизительные расчёты и прикидки Сибпродкома стали в итоге директивной цифрой Сибпродкома губернским продсоюзам.

Кроме очевидной завышенности цифр новой развёрстки, на что обращали внимание руководители губернских продовольственных комитетов, к её сбору не был подготовлен аппарат Сибпродкома. Возникновение в феврале 1920 г. Сибпродкома, сменившего особую продовольственную комиссию при Красной Армии, было вызвано необходимостью. В то же время его учреждения не имели ни строго определённой организации, ни особого предварительно выработанного положения. Его существование объяснялось отдалённостью Сибири от центра, её местными бытовыми особенностями и ближайшей задачей его было координирование отношений местных продорганов между собою и отношений центральных органов к местным в продовольственной политике. Причём некоторые распоряжения центра Сибпродком считал себя правомочным изменять соответственно местным условиям. Несмотря на чрезвычайные полномочия, итог работы Сибпродкома в первой половине 1920 г. был весьма скромным: из 54,7 млн пудов развёрстки на Сибирь (включая Семипалатинскую губернию) к 10 июля удалось собрать всего лишь 15,2 млн пудов, т.е. около 27 %. Большинство отделов Сибпродкома не было

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-4, оп. 1, д. 183, л. 77.

укомплектовано опытными работниками, причём их нехватка достигала 70 – 80 %. 30 июля 1920 г. сотрудники отдела снабжения и распределения Сибпродкома Н. Забавников и С. Успенский направили доклад заведующему сибирского отделения РКИ, в котором они отмечали: «Несмотря на то, что управление Сибпродкома возглавляются в данное время лицами высоко компетентными, работающими по своей специальности достаточно продолжительное время, выполнение задач подобных стомиллионному наряду является им не по плечу. Лица, стоящие во главе Сибпродкома, представляя центру о возможности выполнения столь колоссального наряда, очевидно не учли всех трудностей действительного выполнения этого задания. Имея перед собою задачу ревизионного обследования столь обширного учреждения, как Сибпродком, близко соприкасаясь с работой всех его управлений и отделов ежедневно, в течение почти десяти дней и вполне ознакомившись с теми силами и средствами, которыми располагает Сибпродком, руководствуясь также мнениями и отдельных ответственных работников его мы с уверенностью можем сказать, что выполнение означенного выше боевого наряда с необходимостью решения очередных задач Сибпродкома, едва ли возможно даже и вполнину»¹⁵.

Авторы доклада делали вывод о том, что «ни заготовительный аппарат, ни аппарат распределения не в силах выполнить и половины наряда, не употребляя для того ряда героических мер вплоть до применения вооружённой силы, что как всюду указывает опыт, вызывает народное волнение». Они рекомендовали обратить особое внимание на приёмочные аппараты продкомов, поскольку нередкими были случаи хранения собранного хлеба под открытым небом, что вело к его порче. В многочисленных сводках и сообщениях того времени часто упоминаются случаи подобной бесхозяйственности. Вот что, например, писали 21 июля 1920 г. из политотдела 51-й дивизии в штаб 5-й Красной Армии: «Вчера, 20 июля, в 8 часов вечера на заседании губревкома делал доклад губпродком. Из доклада выяснилась безотрадная картина. На складах губпродкома в Иркутске сгнило 21 000 яиц, громадное количество сыра, рыбы и икры; в вагонах на станции Иркутск – 8 вагонов картофеля и другие скоропортящиеся продукты. губпродком это объясняет отсутствием транспорта, который не позволил загрузить и вывезти продукты со станции <...> Главной причиной губпродком выставляет мобилизацию в Иркутск лошадей и незамену их другими лошадьми согласно приказа помглавкома. Кроме продуктов, испортившихся здесь в Иркутске, на озере Байкал ввиду недоставления соли и тары рыбаки были вынуждены бросить в озеро целые тысячи пудов испортившейся рыбы <...> Непростительно по отношению к Иркутску, где продукты могли быть розданы голодающему населению, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к выдаче со складов и вагонов на станции организованным порядком через рабочие организации <...> Эта картина позволяет думать, что без злого умысла здесь с чьей-либо стороны не обошлось, тем более, со слов завгубздравом видно, что губздрав просил 8 000 яиц для лечебных заведений, но ему было отказано. Хотя губревком и постановил поручить губчека произвести расследование и принять некоторые меры (постановлениями) для предупреждения этого в будущем, но это окажется полумерами. Я думаю, что необходимо срочно сообщить в сибчека и

¹⁵ Там же. Ф. Р-288, оп. 1, д. 1, л. 5.

Сибревком, которые бы произвели расследование и приняли более решительные меры»¹⁶.

Бессмысленность развёрстки в подобных масштабах становилась ещё более очевидной, если принять во внимание, что вывезти собранное количество продуктов из Сибири в Европейскую Россию железная дорога просто не могла. Так, в упомянутом уже докладе сотрудников Сибпродкома сообщалось, что для выполнения плановых перевозок требуется ежедневно 450 вагонов, а железная дорога могла предоставить лишь 60 вагонов в августе и 120 вагонов в сентябре. Авторы доклада приходили к выводу, что весь дорогостоящий аппарат Сибпродкома не оправдывает себя, всю работу по разъяснению директив центра вполне мог бы сделать небольшой аппарат особуполномоченного по Сибири, а всех сотрудников центральных сибирских органов можно без ущерба дела передать местным отделам Сибревкома, повысив продуктивность их работы¹⁷. Подобные дискуссии о необходимости «сибов» в последующие годы будут довольно частыми. Однако пока всё оставалось по-старому.

Продовольственная работа в новых условиях оказалась в начале августа 1920 г. в центре внимания делегатов II Сибирской областной конференции РКП(б). Доклад о продовольственной кампании в Сибири сделал П.К. Коганович. Рассказав о важности этой кампании для Европейской России, он с гневом обрушился на мешочников, которые разрушали продовольственную работу и заявил, что наилучшим решением продовольственной проблемы является единая государственная закупка. Он объявил, что в деревне основной опорой продорганов должны быть не бедняки, а середняки. Правда, как он мыслил эту поддержку, сказать трудно, тем более, что и сам П.К. Коганович признавал, что хлебная монополия вызывает недовольство крестьян, а товарообмен вообще невозможен, тем более, что у крестьянства было изъято продовольствия на 4 млрд. руб., а в обмен дано товаров на 375 млн руб. Председатель Сибпродкома призвал наладить партийные органы в деревне и привлечь к продовольственной работе волревкомы и сельревкомы¹⁸.

Хотя последующие докладчики и выступающие соглашались в основном с П.К. Когановичем, тем не менее критика продовольственных органов хотя и в завуалированной форме всё же прозвучала. Воспроизведём характерные выступления.

Ширямов: Поскольку продовольствие является для нас доминирующей целью, надо провести диктатуру продовольствия, а не диктатуру комиссаров. Органом проведения диктатуры продовольствия должна быть партия. Только партия может создать правильное снабжение Москвы продовольствием. Продорганы нужно делать отделами партии и тогда мы с проведением продовольственной диктатуры справимся.

Спунде: При проведении продовольственной диктатуры нужно провести [её] во что бы то ни стало, нужно ликвидировать свободную торговлю нормированными продуктами. Придётся сократить снабжение рабочих. Намеченная развёрстка

¹⁶ Российский государственный военных архив (РГВА). Ф. 185, оп. 2, д. 396, л. 70.

¹⁷ ГАНУ. Ф. Р-288, оп. 1, д. 1, л. 5–11.

¹⁸ Там же. Ф. П-1, оп. 3, д. 1а, л. 23.

должна быть сразу строго выработана, план должен быть проверен и вовремя разослан, чтобы после объявления развёрстки изменений уже никаких не делать.

Видручено: Нужно организовать бедноту, тогда мы можем выполнить все продовольственные развёрстки. До сих пор мы мало организовывали бедноту. Говорят же об инструкторах, которые часто не соответствуют своему назначению. Нужно посылать тех, которые знают деревню и понимают психологию крестьянина. А комиссары, пользуясь своими полномочиями, ведут такую политику, которая отталкивает крестьян от Советской власти, в частности от проведения продразвёрстки ¹⁹.

В заключительном слове П.К. Коганович отметил, что уничтожение свободной торговли не повысит выполнение развёрстки, поскольку в некоторых губерниях при свободной торговле развёрстка была выполнена полностью. Он вновь повторил, что опираться на бедноту деревни нужно очень осторожно, «если сумеем подойти к середняку, то кулак не страшен» ²⁰.

Подводя итоги совещания, «Советская Сибирь» писала: «Советская Сибирь получила определённое задание центра. Это задание прошло как боевая задача через областное совещание. Слово теперь за местами. Урок должен быть выполнен во что бы то ни стало. Голодный центр не ждёт. Таково решение и вместе с тем требование областного совещания к своим местным организациям. Но это требование должно быть проведено через сознание широкой массы рабочего класса и сибирского крестьянства. Областным совещанием намечена эта задача как единственная на ближайшее время, и как коренная она должна быть выполнена во что бы то ни стало» ²¹.

Отмеченное выше стремление сибирских партийных организаций установить контроль над деятельностью продорганов время от времени звучало на различных конференциях и совещаниях сибирских партийных работников. Напоминая об этом, П.К. Коганович на II Сибирском продовольственном совещании в январе 1921 г. выступил с гневной отповедью: «Некоторые товарищи и до сих пор продолжают нападать на продовольственную политику Сибпродкома, называя её “налётной” и т.п. и забывая, что вооружённые силы Сибпродкома – мера не единственная, но исключительная, крайняя, обусловленная самой насущной необходимостью. Приступая к выполнению развёрстки Сибпродком постановил первой своей задачей самое широкое развитие устной и, главным образом, печатной агитации. Эту задачу он выполнил так как никто – даже Наркомпрод не развивал агитации в таком объёме, как Сибпродком. И всю эту работу Сибпродком вынес только на своих плечах: из четырёх листовок три были составлены Сибпродкомом, из трёх брошюр – две написаны его сотрудниками. Ему принадлежат сибирские плакаты, периодические издания. В этом и был особый подход Сибпродкома к сибирскому крестьянству» ²².

Это, разумеется, упрёк в адрес партийных органов, которые по убеждению председателя Сибпродкома и должны были заниматься агитацией и пропагандой,

¹⁹ Там же. Л. 23, 24.

²⁰ Там же. Л. 24.

²¹ Советская Сибирь (Омск). 1920. 10 авг.

²² ГАНО. Ф. Р-4, оп. 1, д. 184, л. 4.

но никак не контролем за деятельностью самого Сибпродкома, его отделов, а также губернских и уездных продовольственных органов.

Далее на совещании он разъяснял: «Вместе с тем на Сибпродкоме лежала и другая задача – подготовить к продовольственной кампании партийное мнение, ни для кого не секрет, что далеко не всегда и не везде удаётся губпродкомиссару спеться и сжиться с местными партийными органами. Если это явление замечалось в России, то тем более было основание ожидать того же в Сибири. К настоящему времени российские партийные органы накопили уже у себя трехлётний опыт и в области продовольственной. Кроме того, перед ними всё время стояла необходимость снабжения фабрик и заводов, выкачивание хлеба из соседних урожайных губерний и голодающих. В Сибири этих условий совершенно не было и потому можно ожидать, что от страшной цифры развёрстки и от решительных мер их выполнения партийные органы впадут в панику и предпочтут иметь спокойное крестьянство, чем больше запасы хлеба. Сибпродком должен был доказать партийным работникам верность направления его политики»²³.

Возвращаясь к упоминаемым П.К. Когановичем агитационным мерам, следует отметить, что они свелись к необходимости «перенести тяжесть развёрстки на кулака». Так, член Сибревкома и заведующий его юридическим отделом А.Г. Гойхбарг, будучи постоянным сотрудником «Советской Сибири», разъяснял на страницах газеты: «В Сибири у нас намечается свой особый, внутренний фронт, с которым придётся долго, умело и осторожно бороться. Этот внутренний сибирский фронт – фронт сибирского кулака <...> Первоначальная острейшая форма борьбы с кулаком должна быть начата в Сибири немедленно <...> Мы должны сделать кулачество ответственным за всякое движение, им науськиваемое, хотя бы в нём принимали участи и одураченные кулачеством другие слои. Самая разнообразная и беспощадная борьба с сибирским кулаком, дезорганизатором нашего рабоче-крестьянского строя, должна быть поставлена в порядок дня здесь, в Сибири. Фронт кулака должен быть также беспощадно разнесён, как и фронты Пилсудского и Врангеля»²⁴.

А насчёт вооружённых сил Сибпродкома П.К. Коганович, безусловно, лукавил. Проблема была в том, что их было крайне недостаточно, и поэтому они «не использовались». А также крайне недостаточно было, например, мешков для отправки хлеба. Но об этом П.К. Коганович благоразумно умолчал. Причём никаких мер не принималось, хотя обо всём этом было известно ещё до объявления продразвёрстки. Характерной иллюстрацией этого является письмо омского губпродкомиссара Б.И. Монастырского, которое он 30 июня 1920 г. отправил в Сибпродком: «Положение с получением вооружённой силы продолжает быть острым. Из Славгорода сообщают, что несмотря на приказ о передаче на продрработку комбата ВОХРа комиссар последнего отказал в отпуске сил Славгородскому упродкому. Из Петропавловска Колегаев сообщает, что вместо 600 человек, обещанных ВОХРом, им получено всего 190. Больше таковых не имеется <...> На заседании областного бюро РКП(б) В.И. Шориным было дано обещание о предоставлении вооружённой силы в количестве 3 продрот. Не имея до сих пор достаточно воору-

²³ Там же.

²⁴ Советская Сибирь (Омск). 1920. 23 июля.

жённой силы, Омгубпродком, конечно, поставлен в тяжёлое положение в связи с тем, что время подходит и наступает сенокос. Как уже сообщалось, до сих пор мы не имеем мешков. Развёртываемся в большом масштабе. Работа должна на ближайшей неделе остановиться. Полагал бы сугубо необходимым поставить по прямому проводу Москву в известность с предложением в том же боевом порядке произвести отправку мешков, в каком нам предлагается производить отправку хлеба и в каком её производим до сих пор»²⁵.

Для сбора продрозвёрстки Сибревкомом был принят ряд организационных мер. Прежде всего, в августе 1920 г. Сибревком постановил милитаризовать служащих и рабочих продорганов на территории Сибири «в связи с боевыми заданиями по заготовке продовольствия, возлагаемыми постановлением Совета народных комиссаров и Наркомпрода на Сибпродком в операционный 1920–1921 гг.». «Советская Сибирь» разъясняла: «Объявление военными служащими продрозработников прежде всего влечёт за собою ряд обязанностей, которые ничем не отличаются от обязанностей красноармейца. Увеличение рабочего дня, праздничные занятия, точное исполнение порученного дела, военная ответственность за неисполнение – всё это требует от солдата продовольственной армии отдать всю свою физическую силу и мыслительную энергию на текущую работу»²⁶.

Осенью 1920 г. для координации на местах действий продовольственных, советских и партийных органов были организованы продсовещания, к рассмотрению деятельности которых мы обратимся позднее, а пока продолжим анализ организационной работы Сибпродкома по подготовке аппарата для сбора продрозвёрстки.

Чрезвычайная система продкомов входила в противоречие с системой органов Советской власти. 20 июля Сиббюро обсуждало взаимоотношения между советскими и продовольственными органами в Омской губернии. Председатель Омского губревкома А.А. Ширямов отметил недочёты в работе губпродкомиссара Б.И. Монастырского, указал на трения, которые существуют между губревкомом и губпродкомом: губпродкомиссар отменяет постановления губревкома, по губернии губпродком рассылает бывших кооператоров, которые ведут контрреволюционную агитацию, в губпродкоме существует хищническая система выдачи продуктов ответственным работникам по запискам. Б.И. Монастырский стал разъяснять, что в последнее время участились случаи спекуляции, губпродкомиссар издал приказ о наказании спекулянтов, на основании которого был отобран у спекулянтов скот, а Ширямов потребовал скот вернуть; что касается кооператоров, то они вреда принести не могут, поскольку они работают вместе с мобилизованными на продовольственную работу рабочими, которых около 400 человек, и среди них много коммунистов.

Сиббюро отметило, что Омский губпродком не нарушал порядка и не шёл вразрез с решениями губревкома, а поскольку такие сложности возникают и в других губерниях, то необходимо разработать инструкцию о взаимоотношениях между губревкомами и их отделами²⁷.

²⁵ ГАНО. Ф. Р-4, оп. 1, д. 162, л. 19.

²⁶ Советская Сибирь (Омск). 1920. 14 авг.

²⁷ ГАНО. Ф. П-1, оп. 3, д. 3, л. 9.

Если с губернскими органами Советской власти губпродкомы всё же вынуждены были считаться, то в отношении волисполкомов и волревкомов они открыто прибегали к репрессивным мерам. Так, в августе 1920 г. заместитель председателя Сибхлебофуража Б. Троцкий телеграфировал Омскому губпродкомиссару, что из ведомости губпродкома о выполнении развёрстки на 9 августа видно, что волости выполнили развёрстку по-разному: некоторые выполнили 50 %, одна волость даже 171 %, но в то же время 18 волостей выполнили менее 1 %, 81 волость – менее 5 %. Б. Троцкий потребовал от губпродкома оказать влияние на волисполкомы и волревкомы, чтобы они неукоснительно собирали развёрстку; приказал немедленно арестовать председателей волревкомов, которые уклоняются от работы по выполнению развёрстки, и поместить их в концентрационные лагеря ²⁸.

Как и по всей Сибири продорганы в Омской губернии были милитаризованы. На основании постановления Сибревкома от 11 августа омский губпродкомиссар издал приказ о недопустимости в рабочее время «разгильдяйства и расхлябанности», отменялись очередные отпуска и откомандирования служащих в другие учреждения без ведома губпродкомиссара, заведующим отделами было предоставлено право наказывать виновных, заключая их под стражу до трёх дней ²⁹.

В то же время для нормальной работы низовых продорганов не хватало элементарных условий. Так, 9 августа коллегия Омского губпродкома обсуждала необходимость выдачи спецодежды продовольственным работникам в уездах. Было решено направить соответствующее ходатайство в Сибпродком, поскольку многие продагенты и продработники не могут выехать из уезда и оказались «буквально босыми и ободранными» ³⁰.

Сохранились письма и обращения рядовых работников продорганов в различные властные инстанции, ярко характеризующие не только их бедственное положение, но и их обиды, их чаяния, надежды и разочарования. Вот что писал 10 сентября делопроизводитель общего отдела Мариинского упродкома М.Г. Озеров писал в Сибревком: «Будучи принудительно мобилизован в армию Колчака и заброшен в далёкий край Сибири, я сейчас нахожусь в крайне безвыходном положении в материальном отношении: всё, что было у меня из одежды и белья, утрачено мною во время отступления и теперь кроме пары грязного рваного белья, которое я не снимал около 3 месяцев, и гимнастёрки с брюками (старые) я ничего не имею. Не имею даже какой-либо верхней одежды, чтобы во время непогоды и отдыха укрыться <...> Оставив окончательно мечты получить что-либо из упродкома, я хотел приобрести одежду и бельё посредством поездки за таковой домой в город Сенгилей Симбирской губернии, о чём подал Мариинскому упродкомиссару заявление о предоставлении мне 20-дневного отпуска, хотя бы без сохранения содержания <...> Замупродкомиссар сказал, что если упродком и даст мне отпуск, то отдел управления ревкома не даст пропуска для проезда по железной дороге, т.е. моё заявление осталось гласом вопиющего в пустыне <...> До сего времени можно было кое-как терпеть, но теперь идут ежедневно дожди и вот-вот наступит зима <...> Приобрести что-либо на рынке совершенно не представляется возмож-

²⁸ Там же. Ф. Р-4, оп. 1, д. 102, л. 132.

²⁹ Там же. Д. 208, л. 58.

³⁰ Там же. Л. 21.

ным за неимением одежды на рынке и за неимением средств <...> Прошу Сибревком разрешить мне месячный отпуск и беспрепятственный проезд по железной дороге до Сенгилея Симбирской губернии и обратно <...> В случае отказа в таком прошу вашего разрешения на предмет поступления добровольцем в 24-ю железную стрелковую дивизию, действующую на польском фронте, в которой служит мой брат В.Г. Озеров в должности помощника начальника штаба дивизии. Считаю долгом присовокупить, что упродкомиссар в таком разрешении мне отозвал»³¹.

На прошении была написана характерная резолюция: «В Сибпродком по принадлежности». В дальнейшем это станет практикой работы советских органов – не решать проблему, а отсылать жалобу тому, на кого жалуются.

Ещё одной проблемой во взаимоотношениях продорганов и местных органов власти было и то, что не было единственного принципа в раскладке подразвёрстки на местах. Так, в докладе в Сиббюро инструктора Новониколаевского губкома о работе продорганов отмечалось: «в одних районах раскладка производилась непосредственно самими агентами, вплоть до раскладки по дворам, в других районах раскладкой занимались волисполкомы и сельсоветы; нормы раскладки в различных местах различны, в одних районах берут с десятины, со двора, в других – с числа душ мужского пола или общих; особенно это пёстро проводится волисполкомами»³².

Противоречия между советскими и продовольственными органами были также и на Алтае. Дискуссии между губпродкомиссаром и советскими руководителями на I Алтайском губернском съезде Советов 28 июля 1920 г. привели к тому, что в принятой резолюции делегаты одобрили развёрстку, но, по-видимому, под влиянием критики потребовали от губпродкома обратить внимание на инструкторов, на сохранение хлеба и его скорейший вывоз, на борьбу с бюрократизмом на приёмных пунктах, снабдить солью население, ускорить распределение имеющихся товаров³³.

Алтайский губпродком разослал серию «грозных» приказов. Так, в приказе № 77 Алтайского губпродкома отмечалось, что многие волости с 1 марта по 20 июля выполнили менее 10 % развёрстки, а некоторые не сдали ни фунта, и далее требовалось: «1) Немедленно отправить в перечисленные районы вооружённую силу; 2) конфисковать у кулаков хлебопродукты, оставив норму, установленную инструкцией; 3) кулаков, оказавших противодействие (или сопротивление), арестовать и отправить в Барнаул в концентрационный лагерь; 4) если обнаружится, что невыполнение развёрстки зависит от бездеятельности волостных и сельских исполкомов, немедленно арестовать волостные и сельские исполкомы в полном составе за исключением секретарей и препроводить в Барнаул в распоряжение губпродкома»³⁴.

³¹ Там же. Д. 286, л. 99.

³² Там же. Ф. П-13, оп. 1, д. 185, л. 11

³³ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-9, оп. 1, д. 27, л. 26; подробнее см.: Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1920 г.). Новосибирск, 2013. С. 370–372.

³⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1943, оп. 3, д. 576, л. 75.

Приказом № 81 в пределах Алтайской губернии воспрещалась закупка нормированных и ненормированных продуктов и отправка их почтовыми посылками всем частным лицам, общественным организациям и воинским частям ³⁵.

Приказом № 83 губпродком и его местные органы (райпродкомы и ссыпункты) переводились на военное положение. Этим же приказом требовалось все распоряжения издавать исключительно в виде приказов, которые подлежали «безоговорочному и неукоснительному исполнению», а «за всякие упущения, манкирование службой, несвоевременную подачу сведений, невыполнение приказов, несоблюдение дисциплины и другие упущения» предавать виновных военному суду ³⁶.

Приказом № 97 запрещалась свободная покупка и продажа нормированных зерновых и других продуктов питания, а именно мяса, хлебных продуктов, овса, сена, соломы, масла, сыра и картофеля. На городских рынках разрешалось продавать лишь продукты садоводства и огородничества ³⁷.

В конце августа 1920 г. из 26-й стрелковой дивизии в помощь губпродкомиссару был выделен полк, который должен был расположиться «в районе наиболее богатом хлебом и наиболее опасном в отношении партизан» ³⁸.

Вся пропагандистская работа строилась на том, что основная тяжесть развёрстки должна была пасть «на кулаков». Так, в начале кампании алтайская губернская газета призывала: «Необходимо немедленно же провести резкую классовую грань в деревне. Надо вполне определённо сказать, что бедняк – наш друг, середняк – наш ближайший союзник, кулак – враг. И это надо не только сказать, но ясно, отчётливо выявить на деле всей нашей продовольственной и хозяйственной политикой в деревне. Идёт, скажем, развёрстка; необходимо главную тяжесть её переложить на зажиточное население деревни, а бедняков, если у них чувствуется недостаток в необходимых продуктах, тут же снабжать за счёт богатеев. Распределению товаров в деревне нужно придать строго классовый характер. Бремя всевозможных хозяйственных повинностей необходимо опять-таки главным образом взвалить на плечи кулачества. Тогда бедняк и середняк почувствуют себя уже не только платоническими друзьями Советской власти, но и будут кровно заинтересованы в её существовании. Тогда и только тогда Советская власть будет иметь прочную опору в сибирской деревне» ³⁹.

В Славгородском уезде местный исполком национализировал весь сельскохозяйственный инвентарь у кулаков, принимавших участие в борьбе против Советской власти ⁴⁰.

На Енисейскую губернию по развёрстке приходилось 7 млн пудов хлеба и 780 тыс. пудов мяса, при этом сданные до 1 августа 1 700 тыс. пудов в это количество не засчитывались. На пленуме Енисейского губкома 3 сентября 1920 г. был заслушан доклад енисейского губпродкомиссара А. Когановича о продовольственной кампании и задачах партии. Он потребовал извлечь хлеб из «кулацких амбаров»,

³⁵ Там же. Л. 79.

³⁶ Там же. Л. 82.

³⁷ Там же. Л. 96.

³⁸ РГВА. Ф. 1317, оп. 2, д. 146, л. 5.

³⁹ Алтайский коммунист (Барнаул). 1920. 3 авг.

⁴⁰ ГААК. Ф. Р-364, оп. 1, д. 5, л. 6.

причём обязательный к выполнению данным селением размер развёрстки не должен был ставиться в зависимость от количества учтённого хлеба и должен был выполняться за счёт «кулацкой части деревни с привлечением к проведению развёрстки беднейших слоёв деревни», для чего партийной организации предписывалось перебросить достаточное количество коммунистов на продработу. Было решено мобилизовать 170 коммунистов по губернии; привлечь местные ячейки и «провести расслоение деревни, привлекая бедняков к реквизиции хлеба у кулаков»⁴¹.

14 сентября 1920 г. президиум Енисейского губкома РКП(б) заслушал доклад губпродкомиссара А. Когановича, который указал, что необходимо обратить внимание на волостные и сельские исполкомы, от которых требовалось сдавать развёрстку в первую очередь, под угрозой ареста. Другие выступавшие требовали «непримиримой борьбы» с кулаками; раскола деревни, чтобы «не допустить объединения кулацких элементов с эсерами»; ареста «нескольких кулаков, наиболее вредных для каждой деревни», в то же время делегаты пленума настаивали на обеспечении пайком бедняцкой части деревни и размежевании функций губпродкома и губчека. Эти предложения пленумом были приняты⁴².

Антикулацкая риторика настолько завладела умами работников разного уровня, что даже в разного рода донесениях они писали о «кулаках». Вот, к примеру, что сообщил в губисполком о поездке по Рубцовскому и Змеиногорскому уездам уполномоченный губпятайки по борьбе с бандитизмом Пospelов: «Выяснил злостное невыполнение развёрстки. Волостные и сельские исполкомы бездействуют. Развёрстки вывезено из 90 549 пудов – 20 000. Тормозят кулаки. Волостной и сельский исполком арестован, образован ревком. Арестовал 27 человек. Соответствующим разъяснением и меры приняты»⁴³.

Отметим, что тормозили сбор развёрстки «кулаки», а арестован был «волостной и сельский исполком» и всего или ещё «27 человек».

Приказом № 1 новониколаевского упродкома 18 августа предписывалось: «Ввиду невыполнения развёрстки к установленному сроку и принимая во внимание, что за последнее время ссыпка хлеба прекратилась совершенно <...> приказываю всем уполномоченным по прибытии на места вооружённой силы <...> немедленно двинуть отряды на охрану районов в самые производительные и упорствующие волости <...> по прибытии отряда в волость руководитель отряда детально объясняет необходимость ссыпки хлеба и предъявляет требования выполнить развёрстку и приступить к немедленному вывозу хлеба не позже как на следующий день. В случае невыполнения требования, приступить к аресту 10 – 20 кулаков не выполнивших развёрстку, конфискуя весь наличный хлеб и имущество арестованных, предупредив и остальных, что в случае невыполнения требований будут приняты такие же меры, то есть отобран хлеб, не считаясь с нормой»⁴⁴.

17 августа томским губпродкомом была разослана инструкция начальникам отрядам, работающим по заданиям наркомпрод, которым давались задания:

⁴¹ ГАНО. Ф. П-1, оп. 1, д. 124, л. 81.

⁴² Там же. Д. 125, л. 36.

⁴³ ГААК. Ф. Р-10, оп. 1, д. 6, л. 23.

⁴⁴ ГАНО. Ф. Р-1971, оп. 1, д. 6, л. 24.

«а) быть опорой продорганов и их агентов при реализации ими урожая в местах сбора излишков, продуктов сельского хозяйства и промысла; б) производить принудительное изъятие излишков в случае противодействия населения, причём красноармейцы ни в какие условные расчёты не входят, действуя исключительно по указаниям продорганов; в) охранять склады собственных продуктов»⁴⁵. Что касается заградотрядов, то «а) заградотряд является вооружённой силой, несущей охрану порядка и оказывает содействие продагентам при осмотре ими провозимого пассажирами продовольственного багажа или следующих по путям продовольственных грузов; б) ни в коем случае не допускать незаконного провоза по путям сообщения нормированных продуктов, задерживая везущих таковые, направляя их продагентам для проверки; в) ни в коем случае недопустима со стороны людей заградотряда самостоятельная реквизиция продуктов у пассажиров и крестьян, проезжающих через выставленные заградотряды <...> д) на заградотряды возлагается ведение широкой борьбы с дезертирством, задерживая на путях сообщения всех лиц, не имеющих документов, направляя их в ближайшие УТЧК»⁴⁶.

Проводить «энергичные» меры, конечно, получалось. Это само по себе возмущало крестьян. Но ещё больше возмущала их бесхозяйственность продорганов. Так, в информационной сводке по Змеиногорскому уезду за 25 августа – 10 сентября 1920 г. отмечалось: «На 35-м разъезде Алтайской железной дороги имеется ссыпной пункт. По имеющимся сведениям на этом ссыпном пункте хлеб лежит под открытым небом, который мочит дождём и он гниёт, на этой почве среди крестьянства ближайших сёл к этому ссыпному пункту наблюдается ропот и недовольство на учреждения и лиц, заведующих хлебными развёрстками»⁴⁷.

Более того, все принятые меры не решали поставленной задачи. Так, в докладе секретаря Каменского укома признавалось: «На продфронт брошены лучшие силы, оголены в буквальном смысле этого слова все советские учреждения и всё же развёрстка дошла только до 30 %, причины несомненно лежат не в том, что мало нажимали, полагаем, что более Каменского уезда [никто] не произвёл столько реквизиций и конфискации, арестов, а наверно гораздо глубже, но выяснить сейчас трудно»⁴⁸.

Там, где милитаризация затруднялась, прибегали к другим мерам стимулирования. Так, 5 сентября на частном совещании при управлении водного транспорта выступил представитель Томрупвода Мешков. Он сообщил, что при существующих темпах разгрузки пристаней, водный транспорт не сможет выполнять заданий по водным перевозкам. Чтобы найти недостающую рабочую силу для разгрузки судов и упорядочить постановку разгрузки вводилась для работающих на лесных и продовольственных разгрузках премиальная система (продовольственная и дровяная), устанавливалась оплата труда ударных трудовых рот профсоюза как сверхурочная, а расходы перекладывались на учреждения, чьи служащие заняты разгрузкой. Также было направлено обращение к упродкому с предложением использовать труд военнопленных империалистической войны и к помглавкому по

⁴⁵ Там же. Л. 41.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ГААК. Ф. Р-419, оп. 1, д. 5а, л. 45.

⁴⁸ ГАНУ. Ф. П-1, оп. 1, д. 78, л. 28.

Сибири – выделить в распоряжение упродтройки военно-рабочий батальон⁴⁹. К сожалению, не удалось выяснить, принесли ли подобные меры какой-то ощутимый результат. А также насколько широко они применялись, или это был единичный случай.

В это время в Сибирь стали прибывать отправленные из Европейской России отряды для помощи в сборе продрозёрстки.

23 августа военный отдел Сибкомпрода в приказе № 14 сообщил, что в Сибирь прибыл с Люберецкого завода отряд в 1072 человека квалифицированных и неквалифицированных рабочих, которые распределяются следующим образом: Томскому губпродкому для ремонта машин – 169 человек, Енисейскому – 66, Иркутскому – 39, Семипалатинскому – 132, Алтайскому – 230, Омскому – 298; Сибкомпроду для ремонта сенных прессов – 59, для ремонта холодильников – 35; автомобильному управлению – 24, Омскому губпродкому – 20⁵⁰.

30 августа в Сибирь прибыли 115 человек из Рязанской губернии, 33 человека молотильного отряда Тульского губэвака, 50 человек молотильного отряда Костромской губернии; 4 сентября – 40 человек уборочно-молотильного отряда Калужского отдела труда, 31 человек – уборочно-молотильного отряда Владимирской губернии, 16 человек уборочно-молотильного отряда Орловского отдела труда; 20 сентября – 38 человек уборочно-молотильного отряда Павловского посада, 104 – Пензенской учрабсилы, 133 – из Калужской губернии, 30 – из Курской губернии⁵¹.

8 сентября 1920 г. предсибпродкома П.К. Коганович телеграфировал военный отдел наркомпрода, что в Сибирь уже прибыли 2 072 человека для уборочно-молотильных отрядов, но многие одеты легко, не имеют никаких сопроводительных документов и суточных, и работать по сути не могут. Тульский губэвак направил отряды с малыми детьми, что «создаёт массу затруднений»⁵². 30 октября начсибвоенотдела Михонин и сибзагот Гольман убедительно просили наркомтруд не посылать необмундированных отрядов, непригодные к работе будут высылаться обратно в Россию⁵³.

П.К. Коганович признавал на II Сибирском продсовещании в январе 1921 г.: «Значительно больше неурядицы получалось с уборочными отрядами. Москва обещала дать нам для работ по уборке урожая вполне способных и одетых людей. Но на местах это намерение центра не было понято и в результате в Сибирь посылались совершенно непригодные к труду с жёнами и детьми, ничем решительно не снабжённые. Ясно, что никакой пользы здесь они принести не могли»⁵⁴.

С этой же целью дать местным органам возможно большее число подготовленных и надёжных работников были произведены две мобилизации: партийная и

⁴⁹ Там же. Ф. Р-4, оп. 1, д. 94, л. 60.

⁵⁰ Там же. Д. 147, л. 15а.

⁵¹ Там же. Л. 18–32.

⁵² Там же. Д. 69, л. 34.

⁵³ Там же. Л. 39.

⁵⁴ Там же. Д. 184, л. 5.

профессиональная. Согласно докладу П.К. Когановича на II Сибирском продсовещании, продорганы Сибири получили в своё распоряжение продрработников ⁵⁵:

Губерния	По партийной мобилизации	По профсоюзной мобилизации
Омская	553	68
Томская	253	28
Алтайская	283	104
Семипалатинская	50	27
Енисейская	173	99
Иркутская	105	266
Всего	1 427	592

Несколько расходятся эти данные со сведениями, приведёнными в докладной записке Сибпродкома о деятельности с 1 сентября по 1 ноября 1920 г. В ней П.К. Коганович сообщил, что для посылки уполномоченных по районам повсеместно прошла партийная мобилизация ⁵⁶:

	партийная	продотряды военпродбюро	военные части
Омская	553	1 873	2 739
Томская	115	1 045	2 542
Алтайская	480	1 017	1 470
Семипалатинская	50	1 037	937
Енисейская	105	–	732
Иркутская	44	–	496
Всего	1 347	4 972	8 916

В целом установить точные цифры сегодня не представляется возможным. Да и вряд ли это необходимо. Важно отметить, что Сибпродком попытался использовать все возможные ресурсы для укрепления продовольственного аппарата.

Далее, как сообщил П.К. Коганович в докладе на II Сибирском продсовещании, наряду с мобилизацией Сибпродкомом были открыты краткие курсы по подготовке продрработников, давшие за время с 1 июля 1920 г. по 1 января 1921 г. 138 курсантов; также эти курсы были образованы при губпродкомах, причём с этих курсов было выпущено по Омской губернии – 144 курсанта, по Семипалатинской – 447, по Алтайской – 222, по Томской – 322, по Иркутской – 60 курсантов. Что касается центра, то до сих пор он выслал в Сибирь всего лишь 168 продрработников, из них 20 пригодных для работ в губернском масштабе и 148 для работ в более узком. Эти продрработники все были распределены по губпродкомам в зависимости от потребности каждого из них ⁵⁷.

П.К. Коганович признавал: «Проводя в жизнь все приведённые мероприятия Сибпродком отлично знал, что только на них не вытянешь всех огромных задач продовольственного дела. Он понимал, что на население налагалось государством важнейшая и очень неприятная обязанность, от исполнения которой многие хоте-

⁵⁵ Там же. Л. 4, 5.

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 1943, оп. 3, д. 710, л. 5, 6.

⁵⁷ ГАНУ. Ф. Р-4, оп. 1, д. 184, л. 5.

ли бы уклониться. Но исходя из убеждения, что обязанность есть обязанность и что того, кто не желает исполнять ей следует заставлять сделать это, Сибпродком признал необходимым предоставить продорганам вооружённую силу. Последняя была нужна не для выкачивания продуктов от населения, а как демонстрация государственной силы, как мера укрепления в сознании масс авторитета государственного принуждения. Из 13 батальонов определённых декретом на продроботу, мы получили половину, остальную дали регулярные части. Обратился за содействием к военпродбюро, которое дало нам свыше 5 тыс. человек для образования продотрядов. Эти продотряды использовались частью как агитационная сила, а частью как рабочие по уборке хлеба. Нельзя сказать, чтобы работа с продотрядами проходила вполне гладко и спокойно. Было много шероховатостей, командный состав отрядов нередко проявлял большую склонность и самостоятельность, но в конце концов эти недочёты удалось устранить и теперь дело можно считать вполне налаженным»⁵⁸.

Для продовольственной работы в Сибири выделялись 13 батальонов продармии: по 3 батальона для Алтайской и Омской, по 2 – для Енисейской, Семипалатинской и Томской и 1 – для Иркутской губернии.

Таким образом, в течение августа и начала сентября подготовительная работа была проведена и продовольственные органы могли приступить к сбору всего объёма продразвёрстки.

В начале сентября «Советская Сибирь» сообщила, что с 1 сентября начинается сбор развёрстки в 110 млн пудов, из которых на Омскую губернию приходилось – 35, Алтайскую – 31, Томскую – 19, Семипалатинскую – 19, Енисейскую – 7, Иркутскую – 3 млн пудов. К 1 декабря необходимо было сдать 60 %, к 15 января – 20 %, к 1 марта – оставшиеся 20 %. Сельским Советам предписывалось производить распределение хлебной повинности не по душам и не по десятинам, а по социальном признаку, т.е. в первую очередь облагаются более богатые крестьяне, имеющие наибольшие хлебные запасы⁵⁹.

Кроме хлебной развёрстки продорганы Сибири должны были заготовить 6,2 млн пуда мяса, 2, 4 млн пудов масла, 37,9 млн штук яиц, 220 тыс. пудов шерсти, 830 тыс. штук овчин⁶⁰.

Иркутская губерния, бывшая до этого потребляющей, с объявлением развёрстки была отнесена к разряду «самопитающихся» и не могла отныне рассчитывать на подвоз хлеба из других сибирских губерний.

Упомянувшийся выше А.Г. Гойхбарг разъяснял на страницах «Советской Сибири»: «Сибирский продовольственный фронт такое же важное и решающее значение для самого существования и сохранения рабоче-крестьянской республики, как и польский военный фронт <...> В Сибири должно быть собрано более четверти всего требуемого продовольствия. Из 460 млн пудов, развёрстаных на всю Россию, в Сибири должно быть собрано не менее 120 млн пудов <...> Если вести оперативную боевую сводку на манер военной, то окажется, что мы понесли уже

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Советская Сибирь (Омск). 1920. 2 сент.

⁶⁰ Боженко Л.И. Из истории осуществления налоговой политики в сибирской деревне (1921–1927 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 8. С. 64.

сильное поражение на продовольственном фронте. Только 20 %, только 1/5 часть задания выполнена <...> В следующие месяцы <...> у нас в Сибири необходима гораздо большая энергия, гораздо большее напряжение сил на продовольственном фронте»⁶¹.

Отметим, что здесь вновь фигурирует цифра в 120 млн пудов. Это может служить дополнительным свидетельством того, что цифра в 110 млн пудов сибирскими работниками признавалась ориентировочной даже тогда, когда уже были получены конкретные задания по сбору продразвёрстки.

Таким образом, в течение августа 1920 г. в Сибири была проведена подготовительная работа, которая позволяла приступить с начала сентября к масштабному сбору продразвёрстки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боженко Л.И. Из истории осуществления налоговой политики в сибирской деревне (1921–1927 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 8.

Декреты Советской власти. М., 1978. Т. 9.

Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1920 г.). Новосибирск, 2013.

Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013.

Самсонов В. Три года продрaботы в Сибири // Жизнь Сибири (Новониколаевск). 1922. № 3. С. 24–34.

Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925 г.: Сборник документов и материалов. Новосибирск, 1959.

Шшикин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985.

References

Bozhenko L.I. Iz istorii osushchestvleniya nalogovoj politiki v sibirskoj derevne (1921–1927 gg.) // Voprosy istorii Sibiri. Tomsk, 1974. Vyp. 8.

Dekrety Sovetskoj vlasti. M., 1978. T. 9.

Kokoulin V.G. Altaj v gody revolyucii, Grazhdanskoj vojny i “voennogo kommunizma” (fevral' 1917 – mart 1920 g.). Novosibirsk, 2013.

Rynkov V.M., Il'inyh V.A. Desyatiletie potryasenij: sel'skoe hozyajstvo Sibiri v 1914–1924 gg. Novosibirsk, 2013.

Samsonov V. Tri goda prodraboty v Sibiri // ZHizn' Sibiri (Novonikolaevsk). 1922. № 3. S. 24–34.

Sibirskij revolyucionnyj komitet (Sibrevkom). Avgust 1919 – dekabr' 1925 g.: Sbornik dokumentov i materialov. Novosibirsk, 1959.

SHishkin V.I. Socialisticheskoe stroitel'stvo v sibirskoj derevne (noyabr' 1919 – mart 1921 g.). Novosibirsk, 1985.

⁶¹ Советская Сибирь (Омск). 1920. 19 сент.